

У. Сфокусирован ли современный медиацентризм, подобно традиционному литературоцентризму, на персоне автора?

Ольга Крюкова

«Погружение» в Достоевского:
рецепция биографического мифа о писателе
в российском кинематографе XXI в.

Биографический миф о писателе в XXI веке — неотъемлемая часть как литературного процесса, так и массового сознания. В понимании этого термина мы следуем за Т. Б. Шеметовой: «Биографический миф — это миф Нового времени, который не может существовать без своего субъекта — автора, осознающего первоначальную версию собственной судьбы, которая затем многократно переосмысливается как массовым сознанием, так и художниками, исследователями. [...] он не является порождением коллективного бессознательного, напротив, именно коллективное сознание в различных формах вновь и вновь воспроизводит автобиографический миф»¹. Личность того или иного писателя-классика в массовом сознании складывается из школьных хрестоматийных представлений, художественных биографий, иконографии и фильмографии, связанных с писателем и его произведениями.

В современном биографическом мифе о Ф. М. Достоевском можно выделить следующие основные мифологемы: «рождение в семье лекаря Мариинской больницы для бедных», «тайна Михайловского замка» (эта мифологема представляет собой название одной из серий документального фильма «Жизнь и смерть Достоевского»), «убийство отца крестьянина».

© TSQ № 44. Spring 2013. © Olga Kryukova, 2013.

¹ Шеметова Т. Б. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: Автореферат диссертации ... доктора филологических наук. — М., 2011. — С. 2—3.

ми», «три любви Достоевского» (название книги американского исследователя российского происхождения М. Слонима), «русская рулетка» (последняя мифологема также является названием одной из серий документального фильма «Жизнь и смерть Достоевского»), а также такие мифемы, как «каторжник из Мертвого дома», «гениальный эпилептик», «жестокий талант», «достоевщина». Эти мифологемы и мифемы отражают бытование представлений о биографии Достоевского и его творчестве в российском массовом сознании и, помимо кинематографа, поддерживаются литературно-биографическими произведениями, произведениями искусства и атрибутами городской культуры (например, архитектурно-художественным оформлением станции метрополитена — «Достоевская» — в Москве).

Мифологема рождения в семье лекаря Мариинской больницы для бедных на Божедомке метафорически осмысливается в первой серии документального фильма А. Ключкина «Жизнь и смерть Достоевского» (2004 г.), в котором известный литературовед Игорь Волгин заявляет, что все творчество Достоевского можно назвать в переносном смысле «больницей для бедных». А. Зенкин в книге «Проклятие гениев», посвященной трем дням из жизни Ф. М. Достоевского, которые были связаны со смертью Алеши Достоевского, приписывает великому писателю мысли о невозможности нормальной жизни вообще на Божедомке — месте, куда когда-то свозили неимущих покойников и самоубийц: «Как могут тут жить и воспитываться счастливо дети! Здесь взрослые-то живут лишь потому, что безбожно водку пьют или бесконечно, мучаясь и проклиная жизнь, лечатся»². Книга А. Зенкина представляет собой некий поток сознания, состоящий из реальных фактов биографии писателя, монологов героев его произведений, элементов биографического мифа Достоевского и домыслов автора, А. Зенкина, который использует их в силу художественной биографичности избранного жанра.

---

² Зенкин А. А. Проклятие гениев: Роман-триптих: Центр. Часть (Наказание и преступление). — Йошкар-Ола, 2002. — С. 41 (Серия «Грянувшему третьему... тысячелетию»).

Обращает на себя внимание следующее. Мифологемы в биографическом мифе затрагивают лишь наиболее принципиальные вехи биографии того или иного писателя, «промежуточные звенья» в данном случае не принципиальны. В популярной биографической литературе эти лакуны могут быть обозначены как цитаты из писем самого «биографического объекта», т. е. того или иного писателя. Так, М. Я. Басова в популярной биографической книге «Жизнь Достоевского. Сквозь сумрак белых ночей» начало петербургского периода жизни и творчества Ф. М. Достоевского обозначает следующими рубриками: Непредвиденное препятствие; В пансионе капитана Костомарова; Новые знакомства; «Ждем не дождемся экзамена»; В Инженерном замке; Всегда с книгой; «Во фрунте нет солнца!»; В лагере под Петергофом; «Еще лишний год дрянной, ничтожной кондукторской службы!»; Смерть отца³.

Если в документально-художественной повести учебное заведение обозначено достаточно нейтрально — «В Инженерном замке», — то название одной из серий документального фильма имеет целью привлечь внимание зрителя, заинтриговав его. «Тайна Михайловского замка» — это и историческая аллюзия на убийство российского императора, и относительно новая, тиражируемая телевидением мифологема. Заметим, что самая важная «тайна» юности Федора Михайловича, которой так или иначе касаются все биографы, — превращение «кондуктора» Достоевского в писателя с громадным творческим потенциалом. Здесь же возникает и любопытная биографическая подробность — это нереализованная потребность в чае во время учений, — тема, которую затрагивают многие биографы. Значимость этой темы выявляется ими в текстах самого писателя. В версии М. Я. Басиной это представлено следующим образом: «Чем старше становился Федор, тем сильнее чувствовал уколы самолюбия от своего неравенства с богатыми товарищами. Они бросали в лагерях сотни, а он не мог иметь даже собственного чаю, довольствуясь

---

³ Басина М. Я. Жизнь Достоевского: Документально-художественная повесть. Сквозь сумрак белых ночей. — СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2004. — 240 с.

казенным два раза в день. <...> У других есть, а него нету. Мучительное унижение. Это навсегда запомнилось. Недаром через несколько лет в своем первом романе «Бедные люди» молодой писатель Достоевский скажет устами Макара Девушкина: „Оно, знаете ли, родная моя, чаю не пить как-то стыдно; здесь все народ достаточный, так и стыдно. Ради чужих и пьешь, для вида, для тона“» нереализованная потребность кондуктора в собственном чае соотносится со словами «подпольного человека» о выборе между чаепитием и концом света: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить»⁴. Эта ситуация поддерживается и современной графикой: Литературно-мемориальным музеем Достоевского в Санкт-Петербурге растиражирована открытка, в основе которой — рисунок художника Игоря Князева «Достоевский и чай» (2004 г., бумага, темпера). Открытка выполнена в лубочной манере, внизу — приведенная выше цитата из «Записок из подполья».

Однако биографами Ф. М. Достоевского нереализованная потребность в чае по причине недостаточности средств подвергается сомнению. Л. Сараскина в биографии Достоевского для серии «Жизнь замечательных людей» приводит свидетельство другого воспитанника Инженерного училища — русского географа П. П. Семенова-Тян-Шанского — о том, что он в аналогичной ситуации в лагерях вовсе не тяготился своим безденежьем⁵.

Как известно, во время обучения в Инженерном училище Достоевский получил известие о смерти отца. Мифологема убийства отца крестьянами придает образу Достоевского в литературе и искусстве особую трагичность, хотя так и не доказано, была ли смерть Михаила Андреевича Достоевского убийством или же она действительно произошла от апоплексического удара. Этот вопрос до сих пор является предметом обсу-

---

⁴ Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 10 т. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. — Т. 4. — С. 237.

⁵ См.: Сараскина Л. И. Достоевский. — М.: Молодая гвардия, 2011. — С. 98 (Жизнь замечательных людей).

ждения в «криминальном литературоведении»⁶, которое, впрочем, исследует не только гибель отца Ф. М. Достоевского, но и загадку смерти М. Горького, С. А. Есенина, В. В. Маяковского. А. Зенкин в книге «Проклятие гениев» связывает смерть М. А. Достоевского с его тяжелым характером и видит в душевном складе отца писателя одну из причин эпилепсии — болезни, погубившей Алешу Достоевского. Обвинения в адрес отца автор приписывает Федору Михайловичу: «Он был вечно зол и злобен так, что даже погиб не своею смертью от своих людей за именно свою злобу»⁷.

Начало литературного пути Достоевского можно обозначить названием одной из серий документального фильма «Жизнь и смерть Достоевского» — «Дебют. Цена успеха», но в массовом сознании, отражением которого и является биографический миф, этот факт из жизни писателя представлен достаточно размыто и поэтому не является, на наш взгляд, мифологемой. Напротив, пушкинские строки «Старик Державин нас заметил // И, в гроб сходя, благословил» являются не только хрестоматийными, но и крылатыми⁸, поэтому о начале литературного пути Пушкина знают и неспециалисты. Достоевскому в этом отношении повезло меньше.

Мифологема «три любви Достоевского», или, в другом варианте, «Три женщины Достоевского» (название фильма Евгения Ташкова, 2010 г.) неоднократно становилась предметом художественно-биографической прозы, киносценариев и драматических произведений. Основой этой части биографии Достоевского стали его письма, а также обширная мемуаристика, представленная в том числе в «Дневнике 1867 года» А. Г. Достоевской. И именно эта часть биографии Ф. М. Досто-

---

⁶ См.: Прохоров Г. С. Следственные мероприятия по делу о смерти М. А. Достоевского в контексте криминалистики того времени // Ф. М. Достоевский в диалоге культур. Материалы международной научной конференции 25—29 августа 2009 г. / Сост. В. А. Викторovich. — Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2009. — С. 217—220.

⁷ Зенкин А. А. Указ. соч. — С. 28.

⁸ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. — С. 521—522.

евского весьма притягательна для кинематографа, и даже фильм советского периода «Двадцать шесть дней из жизни Достоевского» А. Зархи (1980 г.) не является в этом смысле исключением.

Из «трех женщин Достоевского» наиболее противоречив образ Аполлинии Сусловой, в трактовке киносценаристов, и произошло это не без влияния мемуаров Л. Ф. Достоевской, дочери писателя. «Их отношения были запутаны, нездоровы, мучительны, но жизнь без Аполлинии представлялась Федору Михайловичу невозможной», — безапелляционно утверждает Б. Акунин в популярном детективном романе «Ф. М.»⁹. Почти каждый автор художественной биографии Ф. М. Достоевского так же привносит в образ А. Сусловой какие-то новые черты, нередко вымышленные.

Подмеченные мемуаристами, а иногда и неправдоподобные мелодраматические черты в характере и поведении А. Сусловой, равно как и другие биографические неточности, относящиеся к самому Федору Михайловичу, в XXI веке превратили писателя Достоевского в персонаж сериала в худшем понимании этого кинематографического жанра. Грубое, обывательски-пошлое искажение действительности свойственно сценарию сериала В. Хотиненко «Достоевский» (2011). Здесь опошлен даже не Достоевский, здесь травилируются основные моменты массового знания о Достоевском.

Драматургическая трактовка судьбы Достоевского гораздо более приближена к исторической истине. В пьесе Владимира Юровицкого «Анна Григорьевна» реалии XX века существуют независимо от любовной истории, которая разворачивается в XIX веке. Собственно, драма «Анна Григорьевна» является частью драматической дилогии «Русские жены», которая посвящена судьбам спутниц жизни двух величайших писателей России — Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, соответственно, Анне Григорьевне Достоевской и Софье Андреевне Толстой. В обеих частях дилогии автор обращается к наиболее извест-

---

⁹ Акунин Б. Ф. М.: [роман]. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. — С. 177—178.

ным, широко освещенным в мемуарно-биографической литературе эпизодам взаимоотношений писателей и их жен. В случае с Ф. М. Достоевским и А. Г. Достоевской к таким моментам относится их первая встреча, вызванная необходимостью продиктовать стенографистке роман «Игрок»; предложение руки и сердца; пребывание супругов за границей на фоне пагубного пристрастия писателя к рулетке; первая беременность Анны Григорьевны; ревность к Сусловой; расчеты с кредиторами; смерть писателя. В уста своего героя автор вкладывает любовное признание, соединяющее две страсти, — азарт и любовь-страсть: «Всю жизнь мечтал я выиграть главный выигрыш, и выиграл-таки, но не в рулетку. Ты мой главный выигрыш, Неточка...»¹⁰

Неким диссонансом в тексте драмы звучат отрывки из знаменитой Пушкинской речи Достоевского, в форме драматического монолога писателя. Еще большим диссонансом выглядит явный анахронизм, полемически прерывающий Пушкинскую речь. Это вступает в действие своеобразный аналог *deux ex machine* — «Бога глас», который цитирует псевдодokument — письмо сибирских женщин Надежде Константиновне Крупской. Гораздо более достоверно выглядит Пролог, в котором происходит встреча Анны Григорьевны с молодым композитором Сергеем Прокофьевым, принесшим партитуру оперы «Игрок». Этот факт известен биографам Достоевского по устному рассказу А. Г. Достоевской в изложении Л. П. Гросмана.

Восприятие личности писателя в массовом сознании характеризуют и устойчивые языковые формулы — мифемы. Если выражение «архангельский мужик» благодаря Н. А. Некрасову ассоциируется с личностью М. В. Ломоносова, то мифема «каторжник из Мертвого дома» ассоциируется прежде всего с Ф. М. Достоевским. Эта мифема включает в себя перифразу «Мертвый дом», которая стала популярной при обозначении тюрьмы и каторги еще при жизни Ф. М. Достоевско-

---

¹⁰ Юровицкий В. М. Анна Григорьевна // Юровицкий В. М. Русские жены: Драматическая диалогия. — М.: Лит. Агентство «Владимир», 1997. — С. 76.

го. Почти все авторы, которые обращались к этой теме, подчеркивали, что первоначальное представление о каторге они получили именно из произведения Достоевского. Не повторяя наши предшествующие работы¹¹, приведем пример из тюремной прозы Игоря Губермана: «Знаешь, кажется, где-то у Достоевского — ну, скорей всего, в «Записках из Мертвого дома» — высказано горькое сожаление, что такое количество умов и талантов губится в тюрьме и на каторге, будто бы Россия специально себя сама решила обеднить»¹². Даже в период, когда о Достоевском говорили мало и тенденциозно, мифология каторжника была идеологически приемлема. Эту мифологию тиражирует один из первых фильмов о Достоевском — «Мертвый дом» (1932 г.).

Мифема «гениальный эпилептик» присутствует во многих художественно-биографических сочинениях о писателе, который наделил этой болезнью и своего «положительно прекрасного человека» — князя Мышкина. Эпилепсия как неотъемлемое свойство Ф. М. Достоевского неоднократно обыгрывается в литературе постмодернизма. Часто постмодернистское произведение представляет собой некий калейдоскоп намеков на литературные и исторические факты. Характерным образцом этого является запись в блоге Натальи Черных — «Достоевский», где намек на болезнь великого писателя трансформируется в специализацию школьного класса, но абсурдным или чужеродным это, в контексте стихотворения, не выглядит, как и не кажутся таковыми несвойственные персонажу романа «Братья Карамазовы» поступки. Однако для целостного восприятия стихотворения необходимо ориентироваться как в проблематике романа «Братья Карамазовы», так и в особенностях мировоззрения Достоевского. Только тогда можно принять метафорический эпитет «расхристанный» по отноше-

---

¹¹ См.: Крюкова О. С. «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского и литературная традиция прозы о русской каторге // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — М., 2002. — № 2. — С. 61—68.

¹² Губерман И. Камерные гарики. Прогулки вокруг барака. — М.: «Аст», «Астрель», 2011. — С. 235.

нию к Алеше Карамазову. Приведем отрывок из этого стихотворения: «Я педагог давно умершей школы. // Мой метод изучения избит. // Культ-класс с эпилептическим уклоном // Читает Достоевского навзрыд. // В глазах ребят — вселенский светлый разум. // И, выйдя незадолго до звонка, // Расхристаный Алеша Карамазов // В учительской налет мне коньяка»¹³. В постмодернистской литературе с личностью Ф. М. Достоевского связываются также пограничные и патологические состояния психики, что и демонстрирует упомянутый выше роман Б. Акунина «Ф. М.».

Мифема «жестокий талант» принадлежит перу критика Н. К. Михайловского, автора одноименной статьи¹⁴. Другая мифема, «достоевщина», появилось на рубеже XIX—XX вв. и, согласно словарю Ушакова, имеет два значения, причем с пометой «публицистическое»: 1. Психологический анализ в манере Достоевского (с оттенком осуждения). 2. Душевная неуравновешенность, острые и противоречивые душевные переживания, свойственные героям романов Достоевского¹⁵. Нередко понятие «достоевщина» распространялось и на личность самого писателя, означая нервность, неуравновешенный характер и даже истеричность. В таком ключе его трактует П. А. Флоренский в мемуарной прозе, не употребляя, однако, самого слова «достоевщина»: «Рыдание, вопли, восклицания — совершенно не могу представить себе чего-нибудь такого в нашем доме. А если бы Достоевский ворвался с этим в дом, то, ясно представляю, мама сказала бы нам, детям: „Подите побегайте во дворе, Федор Михайлович болен“».¹⁶ Слово «достоевщина» не употребляет и Л. Цыпкин в повести «Лето

---

¹³ Чернова, Наталья. Достоевский // <http://www.mk.ru/blog/post/2276-dostoevskiy.html>.

¹⁴ См.: Михайловский Н. К. Жестокий талант // Ф. М. Достоевский в русской критике. — М.: Государственное издательство художественной литературы. — М., 1956. — С. 306—385.

¹⁵ Достоевщина // Толковый словарь русского языка / Под ред. Проф. Д. Н. Ушакова. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935. — Т. 1. — Стр. 784.

¹⁶ Флоренский П. А. У водоразделов мысли. — М.: Новосибирское книжное издательство, 1991. — С. 69.

в Бадене», но бытовое поведение писателя Достоевского описывается этим автором так, что невольно возникают ассоциации с мифемой «достоевщина»: «[...] Ради Бога, оставьте вы все меня в покое! — закричал он, оттолкнув от себя тарелку с дымящимся вторым, — с заткнутой за воротник салфеткой он вскочил из-за стола и быстрыми шагами пошел к себе в кабинет — захлопнув дверь, он сел за свой стол, подперев голову руками, — сердце его стучало, молотом отдаваясь в ушах...»¹⁷ Нервность и вспыльчивость писателя акцентируется и Д. Бреговой: «...иногда даже мелочи и приводили к нервным срывам. Так с ним бывало и раньше — например, во время путешествия со Страховым по Италии, когда он грубо и, главное, совершенно ни за что обругал лакея...»¹⁸.

Однако в осмыслении феномена Достоевского Россия эволюционировала от мифем (языковых формул) «жестокий талант», и «достоевщина» до постижения глубины психологизма писателя. Это заслуга критиков и историков литературы. Современный российский кинематограф либо тиражирует популярные мифологемы биографического мифа о писателе (фильм «Три женщины Достоевского»), либо искажает их существенным образом (сериал «Достоевский»). Жанр научно-биографического фильма («Жизнь и смерть Достоевского») противостоит художественным и псевдохудожественным фильмам своей элитарностью, адресованностью не массовому зрителю.

Представляется, что современный медиацентризм не всегда сфокусирован на персоне автора. В рамках биографического мифа автор может быть смещен на периферию («Вокруг Достоевского» — вот принцип), а в рамках экранизации или инсценировки следование за автором — это лишь один из возможных подходов режиссера, но не единственный. Например, спектакль Камы Гинкаса в МТЮЗе называется не

---

¹⁷ Цыпкин Л. Лето в Бадене. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — С. 178.

¹⁸ Брегова Д. Ищите и найдете: Последние четырнадцать лет жизни Федора Достоевского. Заблуждения и вершины. — М.: Советский писатель, 1993. — С. 184.

«Преступление и наказание», а «Катерина Ивановна», авторский замысел трансформирован. Подобно этому происходят трансформации авторского замысла в акунинском романе «Ф. М.», хотя на первый взгляд заглавие призвано сфокусировать мысль читателя на самом «Ф. М.». Остается только надеяться, что грубые биографические ошибки, растиражированные отдельными продуктами массовой культуры, тем не менее, все-таки способствуют в конечном итоге возрастанию читательского интереса к произведениям Ф. М. Достоевского.